

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
Шмони́на Дми́трия Ви́кторовича
на диссертацию **Льво́ва Алекса́ндра Алекса́ндровича**
**«Философская природа мировоззрения:
антропологический подход»**,
представленную на соискание ученой степени
доктора философских наук по научной специальности
5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Вынесенное в заглавие диссертации ключевое философское понятие, мировоззрение, параграфами о котором некогда начинались учебники (вспомним вышедшее первым изданием в 1989 г. «Введение в философию» под ред. акад. И.Т. Фролова), вновь оказывается востребованным в драматический момент глобального *мировоззренческого* разлома.

Актуальность работы состоит в необходимости восполнить пробел. В литературе, как в нашей, так и в зарубежной, можно встретить много работ о фрагментах этой важной предметной сферы, например, о путях дегуманизации человека и общества в ходе перманентного технического прогресса (пост- и трансгуманизм). Мы видим стремления выйти на мировоззренческий уровень в документах стратегического планирования, нормативных актах. Аналогичные попытки встречаются в манифестах политических партий и направлений, политико-идеологических концепциях так называемых лидеров общественного мнения. Иными словами, есть видимая общественная потребность на научно-рациональном уровне (пере)осмыслить суть мировоззрения, ответить на вопрос, что делает / не делает те или иные положения государственных актов и политических программ, идеологемы, мифологемы — мировоззренческими. Однако на уровне философии мы пока не имеем нового, современного, междисциплинарного и в этом смысле максимально полного образа мировоззрения. Какова его основа, каков по сути этот феномен человеческой культуры, человеческой природы?

С удовлетворением можно отметить, что осуществлявшиеся на протяжении ряда лет исследования Александра Александровича Львова, нацеленные на эту работу, увенчались успехом. Перед нами несомненная докторская диссертация о мировоззрении. Она выполнена в классической философской технике и решает важную задачу: проанализировать философскую природу исследуемого предмета, с акцентом на его междисциплинарный характер, обобщить на новом этапе результаты

размышлений и дискуссий об этом концепте, который используется в различных гуманитарных и социальных науках как само собой разумеющееся понятие, порожденное новоевропейской философской мыслью, и — выйти на философско-антропологический пласт содержания этого понятия.

Поучительно вспомнить о том, как мировоззрение понимали Дильтей или Шелер. Взять Дильтея — у него мировоззрение связано с опытом и зависит от жизненной позиции конкретной личности, от «психического целого». Воля человека тянется к оценочным установкам, к устойчивому описанию мира, т.е. к мировоззрению. Для Шелера оно выглядит как некая ценностная шкала-сетка, сплетенная социально-историческим опытом. Каждому человеку присущи мировоззренческие начала, живущие в опыте поколений, в исторической памяти. Задача философов — обобщить и понятийно выразить нормы, описывающие идеальное содержание мировоззрения народа. А.А.Львов напоминает, что Шелер в качестве языка описания подразумевает философию, метафизику. Но (добавлю я) это может быть и теология.

Читая соответствующие страницы диссертации А.А.Львова, вспоминаешь, что *характерной чертой нового времени* полагал *перетолковывание христианства в мировоззрение* Мартин Хайдеггер. Он, в своих ранних работах, описывал мировоззрение как некую естественную установку, исходя из которой познающий субъект осваивает познаваемые объекты (здесь и познавательные и коммуникативные аспекты), а общая картина этих объектов — предмет мировоззрения.

Но, в то же время, о теологическом мировоззрении Хайдеггер говорит как о том, что логически (и онтологически!) «держит» этот мир, придает ему устойчивость и гармоничность. Здесь, в логике отзыва на диссертацию, добавлю, что универсальные христианские корни европейского мировоззрения обладают очевидной значимостью вне зависимости от того, обращают на нее внимание исследователи или нет.

А.А. Львов, действуя в операциональном поле философии, разворачивает междисциплинарность своей работы таким образом, что мировоззрение предстает в описании *метаконцептом*, связанным и с конкретно-личным опытом индивида, и с конкретно-исторической, конкретно-языковой культурой, и с выходящим за пределы этой конкретности «пучком смыслов» (возможно, не очень эффективное, но вполне точное выражение, используемое автором диссертации). Можно сказать — смысловым ядром.

Характер междисциплинарности проявляется в выборе диссертантом методов, среди которых: метод лингво-концептуального анализа, работающий в лингвистических и культурологических исследованиях; генеалогический метод, ставший важной компонентой философской аналитики современности; компаративный метод, характерный для многих гуманитарных наук, работающих с текстами и историческими источниками. Конечно, автор

высокопрофессионально пользуется общенаучными методами и логико-методологическими приемами научной аргументации.

Структура работы выглядит хорошо продуманной. Текст состоит из Введения, четырех глав, каждая из которых строго соотносится с другими главами в методологическом отношении, а также Заключения, в котором представлены выводы работы. Заметим, что в поле зрения автора попали солидный ряд первоисточников по теме диссертации и релевантной критической литературы, причем не только на русском и английском, но и других европейских языках. Следует отметить и достойную апробацию результатов диссертационного исследования: автор представил доклады на 14 международных и всероссийских научных конференциях, а также опубликовал 52 научные работы (в том числе и в соавторстве) в высокорейтинговых журналах и коллективных изданиях. Все это позволяет говорить об авторе как о состоявшемся и компетентном исследователе, зарекомендовавшем себя в научном сообществе, а о выводах его работы — как о проверенных и встретивших поддержку среди коллег как в России, так и за рубежом.

Упомянутый выше методологический набор, четкая логика, представительные по содержанию доклады и опубликованные работы подтверждают доказательность вывода А.А. Львова о том, что мировоззренческая проблематика может и должна трактоваться не только как эпистемологическая или онтологическая проблема, но и как проблема антропологическая, поскольку касается педагогических и аксиологических аспектов гуманитарного знания.

Еще раз: заголовки и содержание разделов пунктов, гипотетико-дедуктивный стиль аргументации, обобщения и выводы в Заключении, — все смотрится убедительно. Выносимые на защиту результаты соответствуют предметному полю философской антропологии.

Из чтения работы видно, как, проанализировав «ограниченный набор» мировоззренческих типов, «сформировавших основу всех философских систем» (с.146), автор выходит на создание «целокупного мировоззренческого метаконцепта», который преодолевал бы мифологическую, религиозную или научную однобокость рассматриваемых характеристик мировоззрения. Но здесь может возникнуть ощущение, будто человек оказывается у А.А. Львова не столько *representatio mundi* (в лейбницево м смысле, этот поворот в философской мысли тоже упоминается в работе), сколько «усмотрителем мира как целого» (см. с. 348). И такое ощущение порождает вопросы, выходящие за дисциплинарные границы специальности «Философская антропология», хотя и связанные с «многообразием интерпретаций мирового порядка» (с.324) в «научной картине мира». Вот эти вопросы лично-мировоззренческого плана, ответы на которые хотелось бы получить от автора диссертации в ходе публичной защиты:

Если говорить о человеке как об особом эпистемологическом проекте, то чей это проект? (с.330). Откуда берется «особое и небывалое» начало, «заложенное в человеке» (с. 330)? И, наконец, вопрос о том, «где» философы «открывают» концепты (в смысле, откуда они их берут, если это не их собственное интеллектуальное произволение?) (с. 72).

Поясню некоторый пафос сформулированных выше вопросов, апеллируя не к новым, а к схоластическим авторам. В конце XVI столетия, в философских курсах иезуитских докторов, по которым, в частности, учился Лейбниц и на которые ориентировался Декарт, термин концепт (*conceptus*) означал как формальное (*conceptus formalis*), так и объективное (объектное — *conceptus objectivus*) бытие того, что познается разумом познающего. Один из тех, по чьим книгам учился Лейбниц, Габриель Васкес, указывает, что *conceptus objectivus* обозначает вещь, воспринятую или познанную, а *conceptus formalis* — само познание (акт) вещи. Истина, поэтому, заключается в объективном концепте. И, как следствие, в формальном. Ее функция — согласование вещи в одном модусе бытия с ней же в другом модусе ее бытия. Для Франсиско Суареса объективный концепт гораздо ближе к *esse reale* — вещи как таковой, и источник объективных понятий, их изначальное местопребывание, вместилище — Божественный разум. Если говорить, таким образом, о концепте «мировоззрение» с позиций собственно христианского мировоззрения, то он может быть также продуктивно описан (я сейчас говорю не о содержательном описании здесь, а о том, что его можно было бы описать) с привлечением рациональной методологии и терминологического аппарата богословия. В работе А.А. Львова приводится мысль Б.В. Маркова о том, что «обществом или мировым сообществом» должен быть выработан новый «универсальный язык» для межкультурной коммуникации. Традиционно, замечает Борис Васильевич, таким языком выступала философия, но исторически сложилось так, что философия «отражала мир в основном с точки зрения *просвещенного* европейца (курсив мой. — Д.Ш.)». И если мы, понимая эту ограниченность, осуществляем поиск чего-то общего, что может «работать» поверх мировоззренческих, культурных, религиозных границ (в этой логике, конечно, должно исследоваться и религиозное мировоззрение как множество вариаций на темы «мифологического»), то полнота антропологического подхода к изучению природы мировоззрения возможна только с учетом массива богословской антропологии как части христианской теологии.

Впрочем, это традиционные замечания из разряда «чего нет в диссертации». А задача члена диссертационного совета рассматривать то, что в работе есть. И эта задача решена, поэтому в заключение отмечу, что сформулированные выше мной вопросы и замечания имеют дискуссионный

характер и ни в коем случае не умаляют высокой оценки проведенной диссертантом работы.

Исследование выполнено на высоком теоретическом уровне, является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний.

На основании всего изложенного выше остается сделать официальный вывод о том, что содержание диссертации Львова Александра Александровича на тему: «Философская природа мировоззрения: антропологический подход», а также ее выводы и положения, выносимые на защиту, соответствует специальности 5.7.8. Философская антропология, философия культуры. Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мной установлено не было.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени доктора наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и на полном основании рекомендована к защите в СПбГУ. Считаю, что Львов Александр Александрович достоин присуждения ему искомой ученой степени доктора философских наук.

Член диссертационного совета
доктор философских наук, профессор,
директор Института теологии СПбГУ

19.09.2024

Шмонин Дмитрий Викторович
d.shmonin@spbu.ru
тел. (812) 363 66 70

Личную подпись Шмонин Д.В. заверяю
Документ подготовлен по личной инициативе
Текст документа размещен в открытом доступе на сайте СПбГУ по адресу
<http://spbu.ru/science/expert.html>
Специалист кадров № 6
Управления кадров ГУОРП-СПбГУ

Велихер Н.А.

